

Лариса не пошла на встречу с одноклассниками. Девчонки приходили, уговаривали. Взывали к ее совести: дескать, они приехали из-за тридевять земель, а она здесь живет и прийти не может. Требовали причин.

Причин было несколько, но Лариса сослалась только на одну: не хочет проблем с мужем. Несмотря на то, что никогда не давала повода, он страшно ревновал ее. В каждом мужчине видел потенциального соперника. Наверное, это происходило из-за комплекса неполноценности. Понимал, что он далеко не идеальный, есть мужики намного лучше. Трезвый ревновал молча, но стоило ему выпить рюмку, что он делал частенько, а ей прийти с работы минут на пятнадцать позже, — «выступления» не миновать.

— Чё, нашлюхалась? — встречал, скорчив гримасу презрения на лице. Дальнейшее зависело от степени его опьянения. Мог поворчать немного и успокоиться, а мог и разбить какую-нибудь по-

судину, смахнуть с плиты кастрюлю и даже ее, Ларису, толкнуть или ударить. Поэтому провоцировать его лишний раз ей не хотелось. Да еще и Алёнка, дочка, приехала на каникулы, окончив первый курс медицинского колледжа. Зачем ей смотреть на это? В детстве насмотрелась.

Второй причиной была банальная нехватка денег. С пустыми руками ведь не пойдешь. И приодеться нужно. Последний год, как дочка учиться пошла, Лариса себя почти не помнила, даже в зеркало, кажется, не смотрелась. Все лето в лесу провела, ягоды собирала. Где продаст, где варенье сварит. Осенью нанималась к бабушкам картошку копать. Работала она техничкой в магазине, зарплату ей платили смехотворную, на такую зарплату студентку не вытянешь. Хорошо еще, машинка швейная была. Кому ушить, кому подшить — много с людей не брала, но все равно копейка. На мужа надежды никакой. Он работал у частного, дрова готовил. Получку по частям выклянчивал у хозяина, то на сигареты, то на выпивку, так что, когда приходило время расчета, получать ему было уже нечего. Единственное — дрова под зарплату привозил. Хоть о дровах у Ларисы голова не болела.

Третья причина — нечего о себе рассказать. Одни на моря ездят отдыхать, у других собственный бизнес, у третьих — работа приличная. Даже стыдно было Ларисе за свою неказистую жизнь. Не пошла. Так спокойнее и на душе, и дома.

На следующий день девчонки (условно, конечно, девчонки — двадцать лет, как школу окончили) принесли ей письмо. Запечатанное, в конверте без марки, без адреса. Только получатель указан аккуратным, знакомым до щекотки в животе почерком: «Лукьяновой Ларисе Михайловне». И пометка: «Лично в руки». Лукьянова — это ее девичья фамилия.

Лариса удивилась, уставилась вопросительно на своих одноклассниц. Они напомнили, как незадолго до выпускного учительница, Мария Сергеевна, предложила классу написать письма самим себе в будущее, все эти годы хранила их и вот, вчера, принесла.

Почему-то Лариса ничего об этом не помнила, и даже не представляла, что могла тогда сама себе написать. Но на всякий случай решила не показывать письмо ни мужу, ни дочери, вдруг в нем окажется какой-нибудь компромат. Она спрятала его в шкафчи-

ке на кухне в стопке кулинарных журналов, которые выписывала в первый год замужества и которыми не пользовалась, но за чем-то хранила до сих пор.

Весь день она думала о письме и ждала момента, когда останется наедине с собой, но наступил такой момент только поздно вечером, когда муж и дочка уснули. Одна с наушниками в ушах, другой с пультом от телевизора в руке.

Лариса положила перед собой на стол всю стопку журналов, чтобы в случае чего можно было сделать вид, что ее заинтересовали рецепты. Сердце тряслось от волнения и непонятного страха быть застуканной, как будто это было письмо не от самой себя, а от любовника. Осторожно, стараясь шуршать как можно тише, она вскрыла конверт и развернула тетрадный, в клеточку, листок. Левый край листка был аккуратно обрезан, а сам текст письма заключен в симпатичную рамочку из листиков и цветочков. Лариса вспомнила, что очень любила рисовать такие рамочки — все ее школьные тетрадки были украшены подобными «художествами», — и растроганно улыбнулась.

«Ну привет, Лариса Михайловна! — начиналось письмо. — Ты меня, наверно, уже и не помнишь...»

Лариса попыталась представить себя семнадцатилетнюю, но в памяти проявилось почему-то не лицо, а только волосы, золотистые, густые, длинные, до поясницы. К волосам она относилась с особым вниманием, каждое утро вставала пораньше, чтобы успеть соорудить интересную прическу или сделать завивку на старые мамины термобигуди. И не лень же было! Сейчас она стала к волосам значительно равнодушной. После родов они поредели, повылезли, как у полинявшей кошки. Она обрезала их до плеч, чтобы не мешались, и каждое утро собирала в хвостик какой-нибудь Алёнкиной резиночкой.

«Подумать только, тебе уже почти сорок лет и тебя называют по имени-отчеству! Если все сложится так, как я мечтаю, то у тебя сейчас свое ателье и фирменный магазин одежды. Ты шьешь женские платья и костюмы...»

Да, когда-то она мечтала стать модельером. Ох уж эта наивная, глупая юность! Хотя в некотором роде она им стала: Алёнкиным куклам довелось пощеголять в сшитых ею нарядах.

«Ты счастливо вышла замуж. (Пожалуйста, как человека тебя прошу, найди нормального, а?) Муж помогает тебе вести бизнес, у вас двое детей, мальчик и девочка. Они, кстати, сейчас уже подростки. Передавай им привет...»

Лариса мысленно ответила на это, что не двое — одна, а ведь могло быть двое, если бы не выкидыш через два года после дочери. Игорь тогда устроил ей яростную сцену ревности, пнул в живот, а когда она упала на кровать, накинулся с перекошенным лицом и стал трясти за плечи, хотел вытрясти признание, от кого залетела. На следующий день она попала в больницу. Выписавшись, ушла к матери и подала на развод. Он приходил, просил прощения, обещал, что такого больше не повторится, и мама подтолкнула ее обратно: «Прости его, вы же семья. Поначалу в семейной жизни всегда так. У нас с отцом тоже всякое было, пока не наладилось».

«Живете вы, разумеется, в городе. У вас большая квартира, и маму ты забрала из деревни к себе. Каждое лето вы ездите куда-нибудь отдохнуть. Не забудь съездить в Австралию! Если забыла, то я тебе напоминаю: это моя мечта.

Вот таким я вижу свое будущее — твое настоящее. Я верю, что у нас все получилось, как надо. Я верю в тебя! А если во что-то веришь, значит, так оно и будет!»

Лариса медленно сложила письмо обратно в конверт и почувствовала, как к горлу подкатывает что-то похожее на тошноту. Оно разбухает, растет, упрямо ползет вверх... Ей показалось, что она сейчас задохнется в этой кухне, в этом доме, в этом настоящем.

Воздуха! Срочно глотнуть воздуха!

Она торопливо вышла на улицу.

Над крыльцом невозмутимо чернела прохладная безлунная тишина. Звезды, высыпавшие на еженощную службу, лениво перемигивались друг с другом. В соседском огороде насвистывала мелодию собственного сочинения какая-то птица. Никому и ничему не было до Ларисы дела. Она села на ступеньку, и душившая ее тошнота вдруг прорвалась наружу рыданиями, раздирающими горло. Ей хотелось завывать в голос, по-волчьи протяжно и безнадежно, и она зажала рот рукой, чтобы никто не услышал. Из-под ладони вырывалось только тонкое поскуливание. Слезы текли по рукам и капали с локтей. Если бы ее в этот момент увидел

посторонний человек, то подумал бы, что у нее кто-то умер. Впрочем, так и было. Та девочка, которая написала письмо, жизнерадостная, полная светлых надежд и верящая в счастье... она умерла.

Кто виноват в этом? Что виновато? Сама Лариса или сложившиеся обстоятельства? Если человек волен выбирать себе дорогу, то зачем жизнь раз за разом подкидывает ему препятствия, как будто нарочно заставляет свернуть? А если выбор дороги — это всего лишь иллюзия? Если судьба предначертана человеку заранее? Может быть, где-то там, наверху, на каждого новорожденного заводится документ, в котором все сказано. В ее документе значится: «техничка». Мечтай — не мечтай, ты техничка. Твое место в подсобке магазина. Только интересно, по какому принципу раздаются эти места? Наугад? Быть может, перед рождением душа заходит в кабинет, где происходит раздача судеб для земной жизни, и кто-то очень важный, подозвав ее к столу, на котором лежит ворох карточек, велит:

— Вытягивайте.

Душа тянет карточку наугад, а этот важный спрашивает:

— Ну что там у вас? — и записывает в свидетельство, ставит печать. — Все, идите. Благополучного рождения.

Лариса просидела на крыльце около часа. Сначала у нее закончились слезы, потом мысли о несправедливости мира, а потом она обнаружила, что очень замерзла. И согреться ей было негде, кроме как на диване, под боком у давно уже спящего мужа.

Она поднялась, пошатываясь от тяжести, будто за спиной у нее висел неподъемный рюкзак, вернулась в дом, прибрала брошенные на столе журналы, выключила телевизор и осторожно пристроила под одеяло, в тепло, свое покрывшееся гусиной кожей тело.

Проснулась она все так же придавленная вчерашней тяжестью, с удивлением, какими-то новыми глазами, оглядела комнату: дешевые полосатые обои, старая стенка, которую отдали родители мужа еще в самом начале их с Игорем семейной жизни, два продавленных кресла...

«Вот, оказывается, как я живу», — вздохнула не сама, а как будто кто-то вздохнул в ней.

На столе рядом со швейной машинкой лежали аккуратно сложенные стопкой шторы — соседка приносила подшить.

Лариса подумала, что соседка скоро уже придет за ними, и это заставило ее встать. Потом из своей комнаты выглянула заспанная, лохматая Алёнка:

— Доброе утро, мам!

Лариса посмотрела на худенькую, по-девичьи нежную фигурку дочери, похожую на приоткрывшийся бутон, и все, что давило на нее до сих, сменилось одним по-матерински чересчур большим беспокойством: а ведь дочь-то тоже мечтает сейчас о своем будущем! Видит себя в нем успешной, самодостаточной, счастливой, и не знает, что жизнь может вывернуться совсем иначе. «Господи, пожалуйста, дай ей ума!» — помолилась коротко, но очень горячо.

Потом она задумалась о предстоящем втором курсе; выплыли попрятавшиеся по закоулкам, распуганные неожиданной вчерашней истерикой мысли, что у Алёнки нет на осень ботинок, но куртка должна быть еще ничего, что клубника отходит, но скоро пойдет малина, что надо будет закатать побольше салатов, а то прошлой зимой съели все подчистую...

Лариса обрадовалась этим родным мыслям, ухватила за них покрепче. С ними ей стало проще и даже как-то уютнее. С облегчением она почувствовала, что возвращается в привычную колею, и пошла на кухню готовить завтрак.